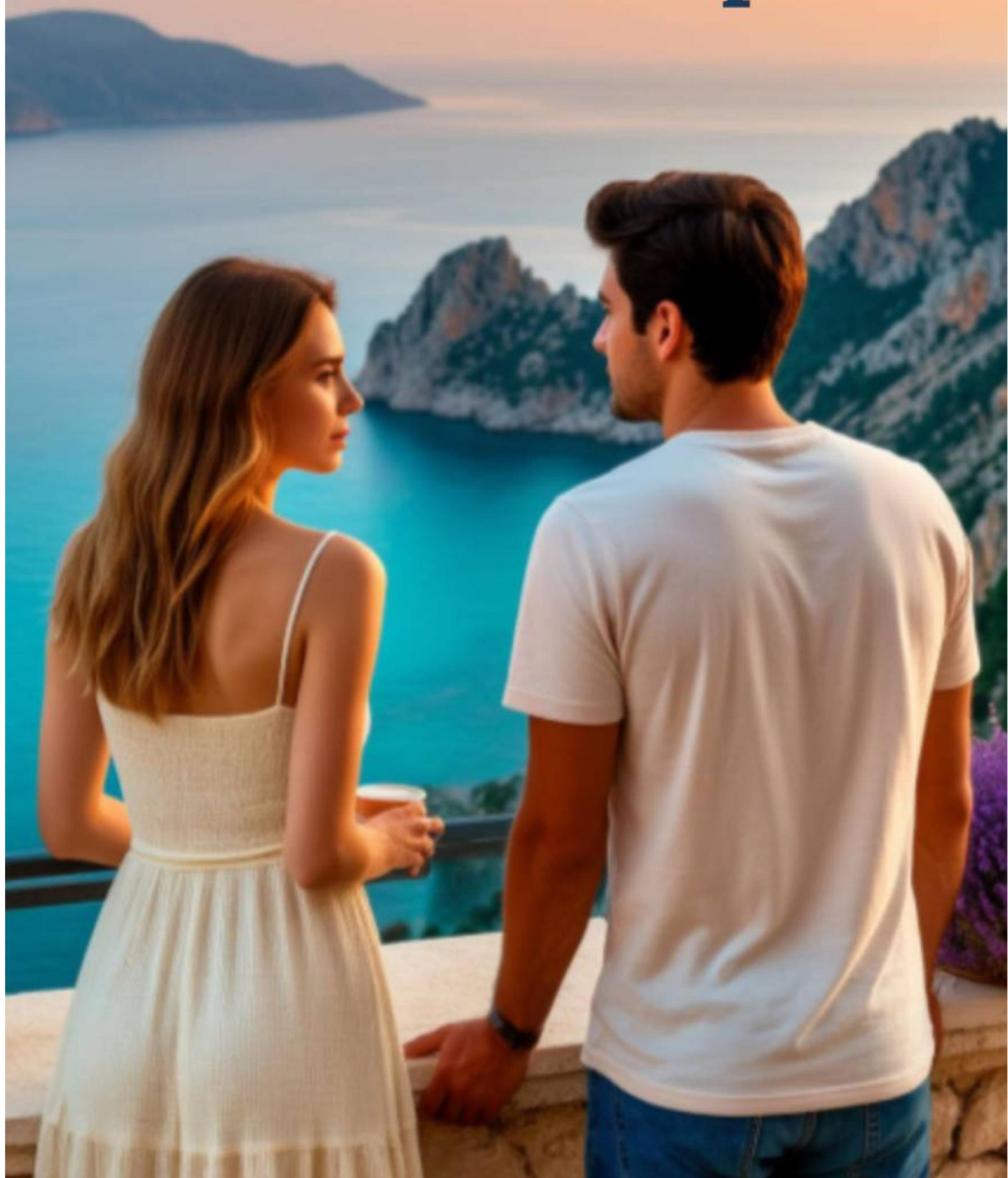

ДАРЬЯ ШОКУРОВА

Побег к морю

Дарья Шокурова

Побег к морю

«Автор»

2026

Шокурова Д.

Побег к морю / Д. Шокурова — «Автор», 2026

Иногда самый гениальный план на новую жизнь — это просто купить билет в один конец. Она — бывший HR-директор, сбежавшая от выгорания в тихую гавань у моря. Он — архитектор, пытающийся залечить раны прошлого в отчем доме. Их знакомство в поезде началось с нелепой стычки, а продолжилось уже в Крыму — там, где им предстоит начать всё заново. Их объединяет не только любовь к кофе с перцем, но и желание построить жизнь с нуля. Однако прошлое не всегда готово отпустить, и самый опасный шторм начинается именно тогда, когда небо кажется безоблачным. «Побег к морю» — это роман о тех, кто рискнул начать сначала. О тишине, которая лечит, и о бурях, которые закаляют. О том, как найти себя, потеряв всё, и как обрести любовь, перестав бояться ошибок. Для поклонников эмоциональных историй о силе духа, вторых шансов и настоящих чувств на фоне захватывающих крымских пейзажей.

© Шокурова Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последний день в клетке.	5
Глава 2. Побег от себя.	7
Глава 3. Стычка в купе #10.	9
Глава 4. Корица, перец и Крымский мост.	11
Глава 5. Дорога к морю.	14
Глава 6. Возвращение блудного сына.	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Дарья Шокурова

Побег к морю

Глава 1. Последний день в клетке.

*Что наша жизнь? Забав мирских утех,
Рывки страстей и горечи падений.
В ней с каждым днём всё меньше, меньше света
И меньше тех, кому мы свято верим.
Так что ж, друзья, ва-банк сыграем, что ли?
Ведь жизнь уже не проживём сначала.
А сколько нам пришлось увидеть горя,
Но радости оно не затмевало!*
— Владимир Столбов (мой отец)

Последний рабочий день в жизни, которую она решила оставить позади, начинался с аромата свежесваренного кофе и легкой паники. Не той, что сжимает горло и заставляет потеть ладони, а приятной, щекочущей нервы, как перед прыжком с парашютом. Мария стояла на кухне своей уютной нижегородской двушки, сжимая в руках кружку с надписью «Самый лучший HRD» — подарок коллег на прошлый день рождения. За окном, на десятом этаже, медленно просыпался мегаполис: зажигались редкие огни, по улицам ползли, как светящиеся жуки, первые машины. Она смотрела на этот привычный пейзаж и чувствовала не грусть, а огромное, всепоглощающее облегчение.

— Восемь лет, — тихо произнесла она вслух, будто ставя точку.

Восемь лет в одной компании. Путь от стажёра, путающегося в кадровых документах, до директора по персоналу, у которой на телефоне были личные номера половины ТОП-менеджеров холдинга. Она строила карьеру, как средневековую крепость: камень за камнем, прочно, на совесть. И так же, как в крепости, внутри стало душно, тесно и безрадостно. Бесконечные цейтноты, токсичные интриги, отношения с коллегой-управленцем, которые начались с романтики совместных дедлайнов, а закончились молчаливой войной за влияние и общими знакомыми, делившимися на «его» и «её» команды.

Последней каплей стала осенняя простуда, перешедшая в пневмонию. Лёжа в больнице под капельницей, она с ужасом осознала, что единственное, о чем может думать, — это не о том, как ей плохо, а о том, кто и как в ее отсутствие будет отчитываться перед руководством за квартальные KPI. И что дома её ждет только холодильник с греческим йогуртом и фикус, который она, уходя на работу в темноте и возвращаясь в темноте, давно перестала замечать.

Тогда и родился план. Безумный, с точки зрения любого здравомыслящего человека. Уйти с должности директора, с её стабильностью и высокой зарплатой. На такое решаются единицы. Но Мария была не из робкого десятка. Она продала машину, откладывала деньги с каждой премии и однажды, после особенно изматывающего совещания, нажала кнопку «Оставить заявку» на сайте жилого комплекса «Морская Корона» в Крыму, в тихом селе между горами и морем. Виртуальный тур показал ей балкон с видом на бесконечную синеву. Ипотека? Риск? Да. Но это был риск во имя себя.

Теперь она стояла посреди легкого хаоса. Два огромных чемодана, распахнутых, как голодные пасти, занимали почти всю гостиную. Рядом — три коробки с книгами и сувенирами, которые отправятся почтой. В руке трезвонил телефон.

— Да, Алла Сергеевна, понимаю, — говорила Мария, зажимая аппарат плечом и пытаясь свернуть свитер так, чтобы он не помялся. — Ключи у вашей помощницы. Да, договор и акт

приема-передачи я подписала и оставила там же. Делать ремонт? Нет, арендаторы согласны на текущее состояние. Главное, чтобы сантехника работала. Да, я вам очень благодарна. До свидания.

Она положила трубку, вздохнув с облегчением. Сдача своей нижегородской квартиры — последняя из решенных больших задач. Теперь этот город, эта жизнь, оставались позади. В сумке уже лежал билет Нижний Новгород — Москва, а оттуда — в Симферополь. Билет в один конец. В новую жизнь. В тридцать лет.

Мария подошла к зеркалу. Светло-русые волосы с золотым отливом, которые она сегодня заплела в небрежную косу, голубые глаза с легкой усталостью, но и с новым, едва уловимым блеском. «Директор по персоналу в отставке», — усмехнулась она про себя. Работу в Крыму она еще не нашла, но паники не было. Её опыт, её навыки — всё это было её багажом, куда более ценным, чем вещи в чемоданах. Можно будет поработать удаленно, можно устроиться в местную компанию. Варианты будут. Главное — вырваться. К тишине. К морю. К себе.

На столе замигал ноутбук — последний рабочий созвон. Коллеги устроили ей виртуальные проводы. Были тосты, смешные воспоминания, пожелания «не закинуть в захолустье» и, конечно, стандартный корпоративный подарок — толстовка с логотипом компании.

— Маш, ты просто герой! — кричала с экрана её правая рука Катя. — Бросить всё и махнуть в Крым зимой! Там же сейчас ни туристов, ни развлечений!

— Развлечений мне и не нужно, — искренне улыбнулась она. — Мне, пожалуйста, утро без будильника, кофе на балконе. И море. Одно только море.

Когда звонок закончился, она выключила ноутбук, ощутив странную финальность этого жеста. Как будто она не просто закрыла крышку, а опустила занавес. Она обошла квартиру, поправила штору, погладила лист фикуса на прощание.

«Всё, — подумала она, защелкивая чемоданы. — В путь».

Такси было уже внизу. Спускаясь на лифте, Мария прижала ладонь к холодному зеркалу в кабине, прощаясь с отражением своей прежней жизни. Впереди была дорога, почти двое суток в поезде и та самая, вымоленная в бессонные ночи, тишина. Она глубоко вдохнула и шагнула навстречу неизвестности. И от этого шага стало легко, так легко, будто с плеч скинули тяжелый, мокрый плащ.

Глава 2. Побег от себя.

Голова раскалывалась на части, каждая из которых жила своей, отдельной и очень громкой жизнью. Максим открыл один глаз, потом второй, и мир предстал перед ним в виде невнятного пятна белого потолка в незнакомой квартире. В ушах стоял гул, во рту был стойкий привкус дешёвой текилы и жизненной ошибки.

Он медленно приподнялся на локте, отбрасывая с себя какое-то не очень свежее одеяло. Это была студия. Большая, стильная, с панорамными окнами на промозглую питерскую декабрьскую мглу. На полу, среди бутылок и стаканов, мирно похрапывали двое незнакомых людей. В памяти всплывали обрывки: вечеринка у друга-художника (или это был диджей?), спор о чем-то бессмысленном, звон бокалов, девушка с хриплым смехом, которая сейчас, судя по руке, заброшенной ему на грудь, спала рядом.

Максим аккуратно убрал её руку, пытаясь собрать мысли в кучу: проект, дедлайн Нет, проект сдан вчера. Точнее, позавчера. Сдача объекта под Петергофом. Год работы, истеричный заказчик, нервотрёпка. Выгорание настолько глубокое, что, кажется, прогорело всё — и энтузиазм, и желание творить, и даже банальная способность радоваться результату. Вчерашняя вечеринка была попыткой заглушить эту пустоту.

Он потянулся за телефоном на тумбочке. Экран ярко вспыхнул, показывая безжалостные цифры: 07:48. И пять пропущенных звонков от мамы. Проклиная себя на чем свет стоит, Максим открыл приложение с билетами. Прямой поезд Санкт-Петербург — Симферополь, билет на который был куплен неделю назад в порыве решимости «всё изменить», отправлялся в 08:20. Отсюда до Московского вокзала — минимум сорок минут без учета питерских пробок. А ещё нужно заехать домой за вещами. Никаких чемоданов он, конечно, не собирал. План был прост: спортивная сумка, минимум вещей, всё остальное — купить на месте или забрать потом. Но даже эту сумку надо было найти и хоть что-то в неё запихнуть.

— Чёрт! — вырвалось у него громко, и девушка рядом недовольно хмыкнула.

Он вскочил, собирая разбросанные по полу джинсы, футболку, куртку.

Через сорок минут, будучи уже дома и с трудом отыскав свою спортивную сумку под диваном, он наскреб с балкона и из шкафа неглаженные вещи: пару футболок, шорты, кроссовки, ноутбук, зарядки. Этого хватит. Главное — успеть.

Попутно собирая вещи, он набрал номер матери.

— Макс? Ты где? Ты уже в поезде? — встревоженный голос прозвучал сразу после первого гудка.

— Мам, всё в порядке. Не волнуйся. Я... немного задержусь. На сегодняшний поезд уже не успеваю.

— Как не успеваешь? Максим! Что случилось? — в голосе матери читались и укор, и облегчение, что с ним всё в порядке.

— Мам, всё нормально. Сейчас найду другой билет. Поеду завтра.

— Ладно, сынок. Главное — приезжай. Солнце, воздухты отдохнешь тут.

— Обязательно отдохну, — пообещал он, уже лихорадочно листая сайт с билетами на ноутбуке. Спустя пару минут обнаружил, что все билеты распроданы на дни вперед. Отчаяние начало медленно подступать к горлу. И тут он увидел его: поезд Москва — Симферополь, завтра в 08:40. А до Москвы Он переключился. Да, есть ночной поезд из Питера, отправление сегодня в 23:55. Билет в купе есть. Значит, план такой: ночной переезд до Москвы, три часа между поездами на Казанском вокзале, и потом — долгожданный путь в Крым.

Он выдохнул, откинувшись на диване. Питер за окном квартиры светил серыми, знакомыми до боли фасадами. Этот город когда-то был мечтой и местом силы. Здесь он построил карьеру, открыл свою мастерскую, женился. И здесь же всё развалилось. Брак рассыпался как

карточный домик под грузом взаимных претензий, его и её амбиций, бесконечной работы, которая должна была всё склеить, но лишь отдалила их друг от друга. После развода осталась красивая, пустая квартира в центре и стойкое отвращение к собственной успешности.

Покупка квартиры в Крыму была спонтанной. Он увидел рекламу «Морской Короны», позвонил, вник в проект, и что-то щелкнуло. Море. Горы. Тишина. Опять же мама рядом. Возможность просто остановиться. Не проектировать очередной «объект для чьей-то жизни», а просто пожить для себя.

Вечером на вокзале он втиснулся в очередь к своему вагону. Народу было тьма. Он нервно поглядывал на часы. 23:40. Ещё пятнадцать минут — и поезд тронется. Сумка тянула плечо, в голове всё ещё гудело, но где-то внутри уже появлялось странное, щемящее чувство ожидания. Как будто он не просто опаздывал на поезд, а бежал от чего-то. От себя прежнего. От выгоревшего, циничного архитектора Максима Орлова. К кому он бежал — было неясно. И от этого становилось немного страшно.

— Ваш билет и паспорт, — устало произнесла проводница.

Максим протянул документы. Через минуту он уже входил в свое купе.

«Всё, — подумал он, направляясь к вагону. — В путь».

И, странное дело, от этой мысли голова болела чуть меньше.

Глава 3. Стычка в купе #10.

Поезд Москва — Симферополь стоял на перроне Казанского вокзала, величественный и загадочный, как корабль, отправляющийся в дальнее плавание. Мария, запыхавшись от бега с двумя чемоданами, наконец-то отыскала свой вагон. Проводница, бодрая женщина с пронзительным взглядом, проверила билет и кивнула на вход.

— Место двенадцать, верхнее. Заезжайте, проходите.

В купе уже было оживленно. Пара пенсионеров раскладывала пакеты с едой, а сосед по верхней полке уже стелил постель. Мария вежливо поздоровалась, извинилась за свои громоздкие габариты и начала нелегкий процесс заталкивания чемоданов по багажным местам. Она вся была в этой возне — взъерошенная, с выбившейся из косы прядью, но счастливая. Самый сложный этап позади. Теперь только тронуться, уснуть под стук колес и проснуться уже почти у цели.

Она присела на свободное нижнее место, чтобы отдышаться, и тут в купе, словно ураган, ворвался он.

Высокий брюнет, с растрепанными волосами и сумкой через плечо. Его темно-карие глаза бегло скользнули по номерам, он с ходу швырнул свою спортивную сумку на верхнюю полку — ту, что принадлежала ей — и начал скидывать куртку.

— Извините, — вежливо, но твердо сказала Мария. — Вы, кажется, ошиблись. Это десятое купе, двенадцатое место. Оно моё.

Мужчина обернулся, смерил её беглым, уставшим взглядом.

— Нет, это моё место. Двенадцатое. Вагон десятый. Всё верно.

В его голосе звучала раздраженная уверенность человека, который уже опоздал на один поезд и не намерен терпеть никаких пререканий.

— Но у меня тоже место двенадцать, — Маша достала из кармана билет. — Вот, смотрите.

Он порылся в своем кармане, достал изрядно помятую распечатку билета и ткнул в него пальцем.

— И у меня. Видите? Москва — Симферополь. Место 12. Вагон 10.

Между ними повисла напряженная пауза. Даже соседи по купе замолчали, заинтересовавшись конфликтом. Мария чувствовала, как нарастает знакомое раздражение. Вот так всегда! Даже здесь, в начале её новой, прекрасной жизни, находится какой-то невнимательный выскочка, который всё портит.

— Может, вы вагон перепутали? — не сдавалась она. — У меня всё четко указано.

— Я ничего не путаю, — сквозь зубы процедил он. — Я пять минут назад у проводницы проверял. Я опаздывал, мне не до шуток.

— А мне, вы думаете, до шуток? — вспыхнула Мария. — Я тоже бежала, чтобы успеть! И теперь должна выяснять с вами, где чьё место?!

Её голубые глаза вспыхнули ледяным огнем. Максим (хотя она, конечно, не знала, как его зовут) вздохнул с преувеличенным терпением, от которого хотелось его стукнуть.

— Давайте позовём проводницу, — предложил он с видом человека, который разговаривает с неразумным ребенком. — И разрешим этот мировой кризис!

Проводница, явившись на их повышенные тона, оказалась женщиной решительной. Она взяла оба билета, посмотрела, и её лицо расплылось в снисходительной улыбке.

— Молодой человек, у вас вагон девятый. Видите? Цифра «9» у вас немного стерлась, похожа на «10». У девушки вагон десятый. У вас — в девятом вагоне место двенадцать. Так что не беспокойте народ, проходите, пожалуйста, в свой вагон. Поезд через пять минут отправляется.

Максим замер. Он перевел взгляд с проводницы на Марию, на её победоносное (и, надо признать, очень милое в этот момент) лицо. Вместо того чтобы извиниться, он просто схватил свою куртку и сумку.

— Отлично, — буркнул он. — Счастливо оставаться.

И исчез из купе так же стремительно, как и появился.

— Вот невоспитанный! — возмущенно прошептала одна из пенсионерок.

Мария тяжело выдохнула. Да, невоспитанный. Высокомерный. И глаза слишком выразительные для такого типа. Ну и ладно, Крым большой. Целых двадцать семь тысяч квадратных километров. Вероятность того, что их пути когда-нибудь пересекутся, стремится к нулю. И слава богу.

Поезд тронулся. Маша забралась на свою верхнюю полку, устроилась поудобнее и уставилась в потолок. Адреналин от стычки понемногу сходил на нет, уступая место приятной усталости. Она думала о море. О том, как завтра утром выйдет на перрон в Симферополе, вдохнет непривычно мягкий, солоноватый воздух и сядет в автобус до своего нового дома. До своего балкона и своей новой жизни. Где нет места хамам в расстроенных чувствах с красивыми, но наглыми глазами.

«Забудь», — приказала она себе и закрыла глаза, подчиняясь мерному покачиванию вагона.

Глава 4. Корица, перец и Крымский мост.

Сон в поезде — вещь прерывистая и поверхностная. Мария проснулась затемно, когда за окном ещё не было и намёка на рассвет. Голова была тяжелой, тело затекшим, а в купе стоял плотный, спёртый воздух, пропитанный запахом спящих людей, яблок и колбасы. Ей нестерпимо захотелось кофе. Не того, растворимого, из стаканчика, а настоящего, крепкого, горького, чтобы он ударил в голову и разбудил все чувства.

Она тихо, чтобы никого не разбудить, сползла с полки, натянула мягкий свитер и, взяв с собой телефон, выскользнула в коридор. Вагон спал. Только ритмичный стук колес нарушал тишину. Пройдя в вагон-ресторан, она обнаружила его почти пустым. За дальним столиком дремал какой-то мужчина в кепке, у барной стойки буфетчица с усталым видом нарезала лимон.

— Кофе, пожалуйста, — тихо сказала Мария. — Только очень крепкий. И можно корицу и черный перец?

Буфетчица подняла на неё удивленный взгляд.

— Перец в кофе? Оригинально.

— Люблю остринку, — улыбнулась Маша.

— Молотый перец есть. И корица. Сейчас сделаем.

Пока готовили кофе, Мария присела у окна. За стеклом было ещё темно, но чернота уже начинала разбавляться густым индиго. Появились силуэты каких-то деревьев, холмов. Она прильнула к стеклу, стараясь разглядеть знакомые очертания. Они должны быть уже близко. Очень близко.

— Ваш острый кофе, — поставила перед ней дымящуюся кружку буфетчица.

Аромат был божественным: глубокая горчинка кофе, сладковатая пряность корицы и едва уловимый, обманчиво нежный запах свежемолотого перца. Мария закрыла глаза, вдыхая этот коктейль, и почувствовала, как на душе становится спокойно и радостно. Совсем как дома. Точнее, как будет дома.

Она сделала первый глоток, и в этот момент в вагон-ресторан вошёл он. Выглядел помятым, но бодрым. Его темные волосы были влажными, будто он только что умылся. Он направился к стойке.

— Кофе, пожалуйста. Крепкий. И, если есть, корицу и черный перец.

Мария подавила удивленный возглас. Совпадение? Не может быть. Она наблюдала, как он получает свою точно такую же кружку, как вдыхает аромат кофе с тем же блаженным выражением, с каким делала это она сама секунду назад. И тут он обернулся в поиске свободного места. Его взгляд скользнул по залу и зацепился за неё.

На его лице промелькнуло сначала удивление, затем смущение, а после — что-то вроде нерешительности. Мария приготовилась к новой стычке или, как минимум, к холодному игнорированию. Но он, к её изумлению, сделал пару шагов в её сторону.

— Можно? — кивнул он на свободное место напротив.

Она могла отказать. Должна была. Но что-то в его взгляде было уже другим — не дерзким и раздраженным, а скорее усталым и немного виноватым. И кофе тот самый кофе, был его союзником.

— Конечно, — кивнула она, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально.

Он сел, поставил кружку на стол и некоторое время молча смотрел в неё.

— Простите за вчерашнее, — наконец выдал он, не поднимая глаз. — Я был на взводе. Опаздывал. Вел себя как идиот.

Извинение, пусть и вымученное, было неожиданным. Мария смягчилась.

— Да ничего Я тоже была не в лучшей форме. День был тяжелый.

Он поднял на неё глаза, и впервые она разглядела их по-настоящему. Темно-карие, почти черные, с густыми ресницами, которые могли бы вызвать зависть у любой девушки. В них сейчас читалось любопытство.

— Вы тоже в Крым... — спросил он, делая глоток.

— Да. Переезжаю.

Его брови поползли вверх.

— Серьёзно? Из...?

— Из Нижнего. Устала от мегаполиса. — Она не стала вдаваться в подробности.

— Понимаю, — он кивнул, и в его тоне не было иронии, а было настоящее понимание.

— Я из Питера. Еду на перезагрузку — тоже не стал раскрывать всех карт Максим.

Они сидели в тишине, попивая свой странный, острый кофе. Неловкость понемногу таяла, уступая место тихому, нейтральному созерцанию. Он оказался не таким уж невыносимым.

И тут за окном началось волшебство. Темнота окончательно отступила, уступая место перламутровому рассвету. И вдруг в просвете между холмами показались могучие, уходящие в туманную даль опоры и сверкающие нити вантов.

— Крымский мост! — воскликнула Маша, не в силах сдержать восторг. Она прильнула к стеклу, забыв о кофе и попутчике. — Какая красота!

Он тоже повернулся к окну. Мост, величественный и стремительный, парил над водной гладью Керченского пролива, окрашенной первыми лучами солнца в нежно-розовые и золотые тона. Это было зрелище, от которого захватывало дух.

— Да, — тихо согласился он. — Сильно.

Но его взгляд через секунду вернулся на неё. На её сияющие, по-детски восхищенные глаза, на легкую улыбку, тронувшую губы. Он смотрел, как она, забыв всё на свете, радуется этому утру, этому виду, этой секунде. И в его собственных, уставших от чертежей, претензий и городского смога глазах, что-то дрогнуло. Пробежала искра неподдельного интереса. К ней.

Мария, почувствовав этот взгляд, обернулась. Их глаза встретились. И в этот миг между ними не было ни стычки, ни неловкости. Было только тихое, общее удивление перед красотой мира и странное, внезапное ощущение связи. Как будто они узнали что-то важное друг о друге, увидев одно и то же.

И тут в вагон-ресторан, звеня браслетами, влетела девушка. Высокая, стройная брюнетка модельной внешности, в шелковом халате поверх пижамы. Она зевнула, потянулась и, заметив Максима, томно улыбнулась.

— Котик, куда же ты убежал? Я проснулась, а тебя нет. Нехорошо бросать девушку одну.

Она обвила его шею руками, совершенно не обращая внимания на Марию.

Всё волшебство момента разбилось вдребезги, как хрустальная кружка об каменный пол. Искра в глазах Максима погасла, сменившись растерянностью и досадой. Мария почувствовала, как по её щекам разливается горячий румянец. Она быстро опустила глаза в свою кружку с кофе, ставшим вдруг невкусным.

«Котик. Ну конечно, — ядовито подумала она. — И что я себе напридумывала?»

— Я пойду, — пробормотала она, вставая так поспешно, что чуть не снесла посуду со стола. — Мне нужно собираться.

Она даже не посмотрела на них, быстро вышла в коридор и почти побежала к своему вагону, сердце глупо и обиженно стучало где-то в горле.

А Максим, отстраняя девушку, смотрел ей вслед с таким выражением, будто хотел что-то крикнуть. Но не осмелился. Он лишь вздохнул, отхлебнул свой остывший кофе, который теперь казался ему самым горьким напитком на свете.

Поезд между тем, мощно гудя, выходил на прямую, сбегая с моста на крымскую землю. Но в купе 10 и 9 у двух людей, которые только что были так близки к чему-то новому, на душе внезапно стало очень и очень по-старому.

Глава 5. Дорога к морю.

Поезд, с глухим стоном выпустив последний клуб пара, окончательно замер у перрона симферопольского вокзала. Суэта, которая дремала последние пару часов пути, взорвалась мгновенно и повсеместно. Со всех купе повалили люди, громко разговаривая, стаскивая с верхних полок громоздкие сумки, окликавая друг друга. Мария, уже собравшаяся и стоявшая в коридоре с чемоданами, чувствовала себя островком спокойствия в этом людском потоке. В груди колотилось что-то среднее между волнением и предвкушением.

Она вышла на перрон и на мгновение зажмурилась, вдыхая полной грудью. Воздух был другим. Не таким, как в Нижнем: не плоским, не пропитанным выхлопами и промышленной сыростью. Он был мягким, прохладным, с едва уловимыми нотками моря, даже здесь, в сердце полуострова, и влажной земли. Это был аромат свободы.

— Мария Сергеевна? — услышала она приятный баритон.

Рядом стоял мужчина лет пятидесяти с табличкой, на которой было аккуратно выведено её имя.

— Да, это я, — улыбнулась она.

— Такси для вас. Давайте, помогу.

Он ловко подхватил её чемоданы, и они направились к выходу с вокзала. Проходя мимо толпы таксистов, активно зазывающих пассажиров, Мария невольно задержала взгляд на высокой фигуре в черной куртке. Максим стоял, отбиваясь от одного особенно навязчивого водителя, и быстро договаривался с другим. Он кивнул, взял свою спортивную сумку и направился к старенькому седану. Один.

«Куда же он дел свою подружку?» — пронеслась в голове Марии быстрая, ехидная мысль. Может, она ехала до другого города? Может, они поссорились? А может, это и не подружка вовсе, а просто попутчица? Неважно. Совершенно неважно. Её собственная дорога начиналась прямо сейчас, и на ней не было места высокомерным брюнетам с неразберихой в личной жизни.

Её такси — чистый, пахнущий освежителем Kia — тронулось в путь. Водитель, представившийся Анатолием, включил ненавязчивый джаз и спросил:

— Прямо до «Морской Короны»? По навигатору?

— Да, пожалуйста, — кивнула Маша, приликая лбом к стеклу.

Симферополь, который она раньше видела только мельком из окна автобуса, удивил её. Город рос, хорошел и уверенно строился. Рядом с привычными советскими «коробками» тянулись к солнцу новые жилые комплексы с современной отделкой, выросли стеклянные бизнес-центры, открывались стильные кафе. Дороги, правда, местами ещё напоминали полосу препятствий, но их уже всю ремонтировали. Была энергия движения вперёд, и это радовало.

Вскоре последние многоэтажки остались позади, и началась та самая, долгожданная, крымская дорога. Они выехали на трассу, ведущую на юг, к морю. За окном плыли холмы, покрытые зимней, выгоревшей на солнце травой, перелески с голыми ветвями деревьев, виноградники, аккуратно подвязанные и уснувшие до весны. Иногда мелькали крыши частных домов с рыжими черепицами, синими заборами и обязательными верандами.

— Первый раз в Крыму? — спросил Анатолий, видя её неподдельный интерес.

— Нет. Но теперь уже надолго. Купила тут квартиру.

— Мудрое решение, — одобрительно кивнул водитель. — Только зимой тут своеобразно. Тихо. Многие кафе закрыты, народу мало. Но в этом есть своя прелесть.

— Именно этого я и хочу, — тихо ответила Маша.

Они проезжали мимо таблички «Алушта», и дорога начала виться серпантинном, забираясь всё выше в горы. Справа открывались головокружительные виды на ущелья, поросшие соснами, и скальные обрывы. Воздух за окном стал ещё чище, хвойным и пряным. Мария опу-

стила стекло, и холодный поток ворвался в салон, смешиваясь с теплом от печки. Она вдохнула его, как эликсир.

И вот, наконец, после крутого поворота, перед ними, как на ладони, открылась панорама Южного берега. Бескрайняя, свинцово-синяя в этот зимний день полоса моря, сливающаяся на горизонте с небом. Береговая линия с бухтами и мысами. И белые пятна поселков, рассыпанных у самой воды. От этого вида перехватило дух.

— Красиво, правда? — улыбнулся Анатолий, глядя на неё в зеркало заднего вида. — Для меня каждый раз, как в первый раз.

— Невероятно, — выдохнула она в ответ.

Они стали спускаться с перевала, и вскоре свернули с главной трассы на узкую дорогу, ведущую в сторону от шума, в одно из небольших сёл, приютившихся между морем и горным массивом. Проехали мимо рынка с закрытыми на зиму рядами, мимо скромной школы, мимо домиков с заросшими садами. И вот, на выезде из села, на небольшом возвышении, показался он — ЖК «Морская Корона».

Несколько современных, стильных домов в светло-серых тонах с панорамным остеклением, черными черепичными крышами и ухоженной, пока ещё зимней территорией. Мария почувствовала, как сердце ёкнуло от гордости и немного от страха: «Это теперь мой дом».

Машина остановилась у шлагбаума третьего, самого ближнего к морю корпуса. Охранник в форме сверил данные, позвонил управляющему, и шлагбаум плавно пополз вверх.

— Вам какой подъезд? — спросил Анатолий.

— Первый. — Голос у неё слегка дрогнул.

Он подъехал прямо ко входу и помог вытащить чемоданы.

— Удачи на новом месте, — искренне пожелал он, пожимая ей руку.

— Спасибо! И вам всего доброго!

Она осталась одна на тихой, залитой зимним солнцем площадке перед подъездом. Где-то вдалеке шумело море. Чувствовался его солёный запах. Было тихо-тихо, только ветер шелестел сухими листьями в декоративных кустах.

Мария достала из сумки синий ключ-брелок. Прислонила его к домофону. Щёлк. Дверь открылась. Прохладный, чистый воздух подъезда встретил её, а лифт быстро и бесшумно доставил на восьмой этаж.

И вот она стоит на пороге своей квартиры. Ключ поворачивается в замке легко. Дверь открывается.

Перед ней — светлая, новая студия с большими окнами. Паркет блестит. На стенах — чистые обои. И в конце комнаты — застекленная дверь на балкон. Она, затаив дыхание, пересекает порог, проходит через всю пустоту, тянется к ручке балконной двери.

Щелчок. Холодный воздух ударяет в лицо. Она выходит.

И замирает.

Прямо перед ней, за невысокой оградой балкона, расстилалась бескрайняя, величавая гладь Чёрного моря. Отсюда, с высоты восьмого этажа, вид был абсолютным, панорамным. Море сегодня было неласковым, цвета стали, с белыми барашками волн. Оно гудело низким, басовитым гулом, накатывая на берег внизу, на пустой галечный пляж. Небо, затянутое высокими облаками, отливало перламутром. А слева, у самого горизонта, угадывались сизые контуры далёких гор.

Мария облокотилась на перила, и с её губ сам собой сорвался смех. Тихий, счастливый, полный облегчения. Она сделала это. Она здесь. Никаких планов на сегодня, кроме как распаковать чемодан, сходить в ближайший магазин за самым необходимым и просто быть. Смотреть на море. Дышать. Чувствовать.

Где-то там, на этой же земле, возможно, уже пил кофе или спорил с таксистом тот самый Максим. Но теперь это не имело никакого значения. Её мир сузился до горизонта за окном и

расширился до бесконечности внутри. Здесь, на этом балконе с видом на море, начиналась её история. И она была полна тишины, солёного ветра и безграничной надежды.

Маша достала телефон и сделала первую фотографию: своё отражение в стекле балконной двери на фоне бескрайнего моря. Подписала: «Дома». И отправила родителям и лучшей подруге Юльке. А потом, закутавшись в куртку, ещё долго просто стояла и смотрела, как день медленно клонится к вечеру, окрашивая воду в глубокие, свинцово-синие тона.

Глава 6. Возвращение блудного сына.

Таксист довёз Максима до знакомого с детства поворота у старой поликлиники. Дальше — узкая улочка, упирающаяся прямо в море. Мамин дом был здесь, в самом конце, за невысоким белым забором, увитым спящим на зиму виноградом. Дом, который помнил его босоногим пацаном, потом угловатым подростком, а затем — редким гостем, приезжающим на пару дней между проектами.

Когда машина остановилась, из калитки уже высыпала вся семья. Первой, опережая даже шустрых детей, выбежала мама. Невысокая, круглолицая, с сединой в тёмных волосах, заколотых в пучок. В её широко распахнутых глазах Максим прочитал столько эмоций, что горло тут же сжал ком.

— Максюша! — это было не имя, а звук облегчения, радости и бесконечной материнской нежности.

Она бросилась к нему, и он, наклонившись, утонул в её объятиях. Пахло домашней выпечкой, привычными чуть сладкими духами и чем-то неуловимо родным — теплом очага, которого он себя лишил добровольно. Он прижался щекой к её виску, чувствуя, как на глаза наворачиваются предательские слёзы.

— Мам, — хрипло прошептал он. — Я приехал.

— Мы так ждали! Так ждали, сынок!

За мамой уже топтались племянники: двойняшки лет семи, Ваня и Миша, и старшая, десятилетняя Настя. Они робко смотрели на большого, незнакомого дядю.

— Ну что стоите? — подтолкнула их сестра Максима, Аня. Она сильно изменилась за эти два года, повзрослела, в её глазах появилась мягкая усталость и мудрость. — Поздоровайтесь с дядей Максом!

Дети хором, смущённо пробормотали приветствие. Аня обняла брата крепко, по-сестрински, похлопала по спине.

— Добро пожаловать домой, архитектор. Надолго, надеюсь?

— Надолго, — кивнул Максим, здороваясь за руку с её мужем Димой, молчаливым и добродушным рыбаком, который всегда смотрел на него с лёгким недоумением, как на инопланетянина из мира небоскрёбов.

Под гомон и расспросы его завели в дом. Всё было знакомо до слёз и в то же время ново. Та же мебель, тот же ковёр на стене, тот же запах борща и свежего хлеба. Но на стенах появились детские рисунки, в углу гостиной стояла огромная коробка с игрушками, а на окнах висели новые, более светлые шторы, которые, как он знал, Аня сшила сама.

За столом, под тихое щебетание детей и заботливое «ешь, ешь» матери, он чувствовал себя одновременно и своим, и чужим. Он ловил на себе взгляды. Мамин — полный безусловной любви и тревоги. Анин — вопрошающий, оценивающий. Она видела его после развода только по видео, где он мастерски изображал, что «всё хорошо, просто работы много».

— Так ты совсем переезжаешь? В новостройку? — спросила Аня, разливая чай.

— Да, в «Морскую Корону». Квартира пока в черновой отделке, надо ремонт делать. Поживу у вас, если, конечно, мама не против, пока найду бригаду и вникну.

— Какой разговор! — всплеснула руками мать. — Живи сколько хочешь! Комната твоя всегда ждёт.

После обеда Максим вышел во двор. Он нуждался в том, чтобы побыть наедине с этим местом, вдохнуть его без приправы семейного внимания.

Двор изменился. Где был голый пяточок земли, теперь красовалась аккуратная летняя кухня-беседка, построенная, как он сразу понял, Димой. Старый сарай покрасили в голубой

цвет. Яблони, которые он помнил тонкими прутиками, разрослись в могучие, причудливо изогнутые деревья. Даже море отсюда, из-за забора, казалось другим — более домашним, своим.

Он толкнул калитку и вышел на узкую тропинку, ведущую к берегу. Это был не пляж в туристическом понимании, а дикий, каменистый участок побережья, который жители села считали своим. Он спустился по знакомым, стёртым временем и ногами камням и сел на большой плоский валун, на котором когда-то выцарапал своё имя.

Тишина. Только мерный, глухой гул прибоя, далекий крик чайки. Море зимнее, суровое, безлюдное. Именно таким он его и любил. Он закрыл глаза, и память нахлынула волной, более сильной, чем те, что бились о камни у его ног.

Здесь, на этом самом камне, сидел пятнадцатилетний Макс. С блокнотом для рисования и карандашами. Он часами срисовывал очертания скал, линию горизонта, играл с проектами «идеального дома», который должен был стоять прямо тут, на берегу. Он мечтал стать великим архитектором. Не просто строителем, а творцом. Тот мальчишка клялся самому себе, что первое, что он построит, когда станет знаменитым, будет дворец для мамы. Не дом — дворец. С колоннами, арками, с видом на море из каждого окна. Чтобы она, проработавшая всю жизнь бухгалтером в местном совхозе, никогда больше не знала забот.

Он стал архитектором. Успешным, востребованным. Его работы публиковали в журналах. Он строил коттеджи для олигархов и бизнес-центры для корпораций. Зарабатывал деньги, которых в детстве не мог даже представить.

А дворец для мамы? Нет. Дворец он не построил. Вместо этого он влюбился. В эффектную, блестящую, ненасытную Катю. И все его деньги, вся его энергия, всё его время уходило на её «хотелки»: на квартиру в центре Петербурга с дизайнерским ремонтом, на машины, на отпуска на Мальдивах, на шубу, которую она надела три раза. Он строил для неё иллюзию жизни, в которой он был не Максимом с крымского берега, а преуспевающим профессионалом из города-миллионника с «правильной» женой. Он пытался вписаться в её мир, забыв свой. И забыв того пацана с блокнотом.

А когда иллюзия рухнула, оказалось, что кроме счёта в банке, профессионального выгорания и чувства глубокой фальши, у него ничего не осталось. Ни дворца для мамы, ни веры в свою мечту, ни даже понимания, кто он такой.

Стыд. Он накатиł сейчас, жгучий и удушливый. Стыд перед матерью, которая никогда ни в чём его не упрекала, только спрашивала по телефону: «Ты счастлив, сынок?». Стыд перед той светловолосой женщиной из поезда, которая с такой искренностью радовалась просто мосту. Она бежала к чему-то настоящему. А он? Он бежал от. От себя. От своих предательств.

И самый горький стыд — перед тем мальчишкой. Перед его ясными, горящими глазами, полными веры. Он предал его мечту. Подменил её на одобрение со стороны, на внешний лоск, на жизнь в чуждой ему парадигме успеха.

Ветер с моря крепчал, пробираясь под куртку. Максим сидел неподвижно, чувствуя, как холод камня проникает сквозь джинсы. Он смотрел на горизонт, где сливались воедино свинцовая вода и облачное небо. Где-то там, в этом же селе, но в новом, стерильном мире «Морской Короны», ждала его новая, пустая квартира. Чистый лист. Или очередной проект для кого-то?

«Зачем я сюда приехал? — спросил он себя. — Чтобы прятаться? Или чтобы начать заново?»

Он не знал ответа. Знало только море, которое, как и двадцать лет назад, било волнами о камни, стирая острые грани, сглаживая шероховатости. Оно было тем же. А вот ему предстояло заново найти в себе того мальчишку. И, может быть, наконец, построить для него если не дворец, то хотя бы просто настоящий дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.